

Мо Чанкун, изначально бывший злым духом меча, был принят в качестве первого ученика бессмертного с вершины Уцзянь. Под началом бессмертного мастера он проучился в течение тысячи лет, но оказался злым и жестоким, как волк со звериным сердцем – постоянно оскорблял учителя, показывая свою жестокость и нарушая нравственные нормы.

После одного инцидента он восстал против Секты Бессмертных и назначил себя повелителем десяти тысяч демонов. Он был жесток и бесцеремонен, наслаждался яростью и насилием, убивал людей, словно топтал траву. Он направил огонь горы Яньшань, уничтожив девять городов, ранив тысячи живых существ, и не знал, как раскаяться.

Убить!

Убить!

Убить!

Злой и порочный дух не смог избежать гнева небес. Три царства объединились для его уничтожения. В битве на вершине горы Джуэлинг повсюду лежали тела павших, а кровь текла рекой. Бог, ответственный за его наказание, проткнул лопатки и ребра Мо Чанкуна несколькими демоническими цепями и сковал его, а затем использовал восемь гигантских драконов, чтобы затащить его в Бездонное Чистилище и приковать к утесу Джаньяо.

Утес Джаньяо (убивающий демонов) был местом жестокого наказания для провинившихся демонов. Небесный гром ломает его мечевую кость, уничтожая его дух, поместит в Чистилище, где он будет терпеть наказание в течение десяти тысяч лет, затем его лишат тела демона, заберут его культивацию и забросят в цикл перерождений, чтобы он терпел на земле всевозможные муки, не получая облегчения.

Чистилище было наполнено кровавым запахом отчаяния.

Мо Чанкун был изранен, но он по-прежнему дергал цепи на своем теле и высокомерно смеялся без малейшего намека на раскаяние. Он был дурным семенем с рождения, безнадежным злом. Теперь он подчинился всеобщим желанием и совершил чудовищное преступление. Разве такая участь - не естественное развитие событий?

Жадный до убийств и крови, жестокий, без капли жалости...

Приговор богов был верным.

Единственное, в чем они ошиблись, - не уничтожили этого ублюдка с самого начала, когда он появился на свет, чтобы он не пошел против неба и земли, против естественного порядка, против морали, забыв о благодати и добродетели, судорожно ища чувств, которых не следует искать, горько опутав человека, с которым он не должен был связываться. Он оказался заперт

в собственном коконе. Чем глубже он падал, тем более нелепым он становился. Нелепым до крайности.

Теперь пусть его душа рассеется с ветром, пусть она испытает страдания в круговороте рождения и смерти.

Ему просто все равно.

...

Собирались темные тучи, внутри которых мелькали молнии Грозовой Скорби, скользящее повсюду, как змеи. Почему-то Скорбь, которая должна была обрушиться уже давно, надолго замедлилась, кажется, чего-то ожидая.

Мо Чанкун вдруг вспомнил, что перед тем, как Небесный суд приведет в исполнение смертный приговор, членам семьи и учителям разрешается попрощаться с преступниками...

Но придет ли этот человек?

Мо Чанкун неосознанно перестал сопротивляться. Он открыл красные глаза, усиленно глядя вдаль. Но в темноте он ничего не видел, вокруг стояла только мертвая тишина.

Ему не следует надеяться.

Мо Чанкун вспомнил этого человека, и его сердце немного заболело. Когда он только трансформировал свой божественный разум в меч, он не понимал окружающий мир и сражался, как дикий зверь. Он дрался, пил кровь, был жесток и неистов. Именно тот человек, всегда одетый в изношенную одежду и выглядевший небрежным парнем, избил его до полусмерти и взял его с собой. Затем он заботливо ухаживал за ним, превратив его из зверя в человека.

Он взял кисть и с улыбкой сказал: «Меня зовут Лу Юньчжэнь, впредь я буду твоим учителем».

Мо Чанкун выбрался из ванной, брызнул водой в лицо учителя и ответил одним словом: «Тьфу!»

Их первая встреча была не очень приятной: его заставили помыться, расчесать волосы, вымыть руки, одеться, сидеть правильно и нормально есть. Нельзя было хватать руками мясо, драться, ругаться матом, а если он делал это, его били линейкой по ладони. Он также должен был учиться читать и писать, повторяя по сто раз, пока не выучит. Мо Чанкун проводил каждый божий день, пытаясь придумать, как убить своего учителя, и даже написал множество планов в своей тетради, включая съедение заживо...

Тогда он действительно не мог победить.

Учитель совершенствовался на Пути меча и поднялся к бессмертию. Он владел непревзойденным мастерством меча, и каждый раз, когда Мо Чанкун атаковал или пытался убежать, учитель не сердился, с улыбкой возвращал его назад, хвалил за послушание и называл хорошим мальчиком.

«Чанкун больше не крадет кур и не дерется, действительно послушный», - шутливо сказал учитель.

«Чанкун наконец-то понял, что нельзя ругать девочек».

«Чанкун узнал слова на объявлении о розыске и понял, что на нем написан не ты, в этом есть прогресс»

«У меня самый лучший ученик в мире».

«...»

Что-то было не так с глазами шизуна! Как он мог говорить такие бесстыдные слова?

Мо Чанкун столько раз убегал и попадался, что в конце концов привык к этому.

Мастерство учителя во владении мечом было суровым, но его внешность была очень чистой, совсем не серьезной, как у других бессмертных сяньцзуней. Он любил улыбаться. У него ленивые глаза персикового цветения, кончики глаз слегка опущены, как изогнутые полумесяцы, а уголки рта украшают две неглубокие ямочки, которые мгновенно заставляют сердце умилиться.

Мо Чанкун любил улыбку своего шизуна, но ему не нравилось, когда шизун улыбается другим. Каждый раз, когда он видел это, он злился и обязательно устраивал какие-нибудь неприятности, чтобы шизун снова обратил на него внимание.

Однако характер учителя был беспечным и щедрым, он любил помогать другим, любил веселиться, пить вино и очень вкусно готовил. Его друзьями были и боги, и цари, и обычные люди, все любили великого сяньцзуня Юньчжэня. На пике Уцзянь всегда толпились люди, там было шумно и весело, а после появления двух учеников, также склонных к проблемам, стало еще более шумно.

Мо Чанкун рос и становился все более и более злым, сам не зная, почему...

Наконец, он осознал, что жаждет своего учителя, который тоже был мужчиной, и это чувство,

не разрешенное в мире, не давало ему возможности заявить об этом. Каждый день его терзали ревность, желание и гнев, злые мысли в его сердце становились все глубже и глубже, и он снова превратился в дикого зверя, желающего совершать непокорные поступки.

Все постепенно обратили внимание на его мысли и предупредили учителя, они сказали, что Мо Чанкун - это дикий волчонок, которого он не может приручить.

Учитель никогда не верил, говорил, что в его сущности нет зла, и продолжал ему доверять.

Однако время показало, что учитель ошибся.

Он был неблагодарным зверем. Воспользовавшись добротой и заботой учителя, он применил сотни уловок и увлек бессмертного мастера меча в пучину недопустимых желаний, пока он не сдался. Он заставил его лечь под свое тело, снова и снова, пока истина не была раскрыта...

Учитель был потрясен и ушел, не произнеся ни слова.

Ха, плохое семя - это всегда плохое семя.

Его уже не спасти...

...

Оковы удерживали магическую силу в его теле, острая боль сбивала с толку Мо Чанкуна, напоминая ему о прошлом.

Покидая его, бог, ответственный за его наказание, сказал ему с мрачным выражением лица:

«Ты обязательно пожалеешь об этом».

Мо Чанкун считал все это смехотворным. Он всю жизнь поступал безрассудно и никогда не знал, что такое сожаление, он осмелился совершить чудовищный грех, а значит, должен был понести все последствия. Но это всего лишь десять тысяч лет заточения и страданий в реинкарнации, это почти ничего.

Тело шизуна было чудесным.

Это того стоило.

Дворец короля Яма всегда был близок с учителем и настаивал на том, чтобы заставить его перевоплотиться в животное. Он высоко оценил это решение. Что может быть более

подходящим, чем снова превратить зверя в зверя?

Мо Чанкун несколько раз засмеялся и вдруг заметил, что вдаль появился маленький огонек, словно медленно приближающаяся тусклая звезда. Затем он услышал тяжелые шаги, немного неуверенные, немного нетвердые, которые постепенно становились более устойчивыми по мере приближения.

Звуки шагов становились все ближе, и каждый звук тревожил его сердце.

Мо Чанкуну показалось, что его тело заледенело. Забыв о боли, он бессознательно потянул за цепи, вбитые в скалу, но руки были зафиксированы длинными гвоздями. Кровь текла из его рук, но он не мог избавиться от этой позорной ситуации. Учитель был чистоплотным человеком и не любил неряшливости, а сейчас он был весь в грязи и крови, слишком грязный, надо было хоть немного привести себя в порядок, иначе на него начнут ворчать и потащат в ванну.

Огонь приближался.

Это был обычный масляный фонарь, который едва освещал окружающий пейзаж на три цуня, смутно отражая бледные, почти бескровные черты лица учителя. Учитель похудел и осунулся. Скандал из-за того, что его ученик осквернил его, уже разнесся по небесам. Хотя многие сочувствовали ему, но из-за сплетен и болтовни он, должно быть, плохо ел и отдыхал.

Мо Чанкун прекратил свои попытки освободиться, он смотрел некоторое время, а затем на его губах заиграла недобрая улыбка. Он присвистнул и кокетливо сказал:

- Мой дорогой шизун, как это вы вспомнили, что нужно меня навестить? Не могли забыть, как весело нам было в постели? Хотите повторить перед тем, как попрощаться?

Лу Юньчжэнь долго молчал, а затем тихо сказал:

- Это не то, что ты на самом деле имеешь в виду в своем сердце, так что не говори больше таких слов, которые могут ввести людей в заблуждение.

Его глаза были ясными, в них не было обиды.

Мо Чанкун слегка отвернулся, чтобы избежать его взгляда, и с холодной улыбкой сказал:

- А что еще я могу иметь в виду?

Лу Юньчжэнь медленно подошел ближе, достал чистый носовой платок и начал вытирать кровь с его лица, расчесывая длинные, свисающие волосы, чтобы открыть черные узоры татуировки на левой стороне лица.

Это были символы древних богов, похожие на двух длинных черных змей, свернувшихся вокруг его лица. Они символизировали «зло» и «грех» и будут сопровождать его душу в вечном перерождении.

Мо Чанкун чувствовал себя неуютно, он хотел было пошутить как обычно, но слова застряли в горле.

- Это, возможно, последний раз, когда мы встречаемся, как учитель и ученик, - серьезно сказал Лу Юньчжэнь, - Что ты на самом деле хочешь сказать мне?

Да, это последний раз...

Мо Чанкун опустил голову, его голос звучал неуверенно, и внутри него бурлили сложные эмоции. Тысячи слов собрались в одной приглушенной фразе:

- Шизун... берегите себя...

Лу Юньчжэнь, наконец, улыбнулся. Ему захотелось погладить по голове человека, стоявшего перед ним, но, подняв руку, он понял, что Чанкун больше не тот ребенок из прошлого. Между ними произошло слишком многое, и обычные привычки больше не уместны.

Он неуклюже отдернул руку:

- Этот учитель умолял за тебя... Они избавили тебя от необходимости удаления мечевой кости. Претерпев десять тысяч лет наказания, тебя также не заставят перерождаться...

Мо Чанкун был потрясен. Небеса были безжалостны и беспристрастны. Как они вообще могли согласиться на смягчение такого сурового приговора? Внезапно у него возникло ужасное предчувствие.

Лу Юньчжэнь побледнел еще больше и дважды негромко кашлянул. Быстро прикрыв рот рукой, он небрежно отвел свет от фонаря в другую сторону.

Запах крови в Чистилище был слишком сильным и парализовал обоняние Мо Чанкуна, темнота затуманивала зрение, но теперь он, наконец, заметил слабый запах крови, исходящий от тела Лу Юньчжэня.

Поняв, что дело плохо, Мо Чанкун собрал всю свою силу, оторвал свои руки от удерживавших их гвоздей и, не заботясь о сломанных костях и сухожилиях, бросился к Лу Юньчжэню.

Это была не слишком сильная атака, но несравненный бессмертный мечник потерял способность уворачиваться и с трудом смог сделать лишь полшага назад, когда Мо Чанкун

легко заключил его в объятия.

Лу Юньчжэнь не ожидал, что ему удастся вырваться из костяных гвоздей, и в панике попытался оттолкнуть его, но у него не было сил. Маленький бумажный фонарь упал на землю и быстро загорелся, проливая больше света на окрестности.

Лу Юньчжэнь с упреком сказал:

- Отпусти меня.

Мо Чанкун молча наклонился и потянулся, чтобы потрогать то место, которое не мог увидеть, и обнаружил, что на поношенной зеленой одежде человека, которого он держал в руках, видны пятна крови, часть которой высохла и запеклась, а часть все еще просачивалась наружу.

Это рана...

Мо Чанкун потрясенно воскликнул:

- Шизун, где ваша мечевая кость?

Когда мастер меча возносится к бессмертию, он получает кусок чрезвычайно твердой мечевой кости. Это его база культивирования. Когда мечевая кость ломается, владелец может потерять все навыки, вплоть до потери жизни.

Мечевая кость Лу Юньчжэня не была сломана, а была вырвана с мясом, и только он сам мог это сделать.

Мо Чанкун не мог в это поверить:

- Это и есть цена просьбы?

- Учитель тоже несет ответственность за те ошибки, которые ты совершил, - Лу Юньчжэнь не мог больше скрывать правду и положил ладонь на сердце Мо Чанкуна. В его ладони скрывалось кровавое заклинание, излучающее слабый золотой свет, притягивающее невидимые грехи к его собственному телу. Он тяжело сказал, - Многое, что ты сделал неправильно, случилось из-за того, что я не научил тебя правильно. Ты пошел по ложному пути, и я должен взять на себя часть грехов.

Если ученик допустил ошибку, учитель должен быть наказан.

Десять тысяч лет наказания, хотя и мучительны, но обещают освобождение и возвращение к

свету. Но у вечной реинкарнации не было будущего.

Он пришел сюда не для того, чтобы попроситься, а чтобы предоставить Мо Чанкуну шанс выжить и искупить вину. Его мольба состояла не в том, чтобы смягчить приговор, а в том, чтобы признать вину, взять грехи предательства безнравственности и распущенности ученика на себя, вырвать мечевую кость из своего тела и понести наказание реинкарнации.

Мо Чанкун чуть не сошел с ума:

- Я дурное семя, которое совершало бесконечные злые поступки! Я никогда не собираюсь раскаиваться! Мне не нужно, чтобы вы спасали меня!

- Чанкун, твоя натура... не так уж плоха, - голос Лу Юньчжэня становился все тише, а дыхание все слабее, - Дело в том, что учитель допустил слишком много ошибок... и привел тебя к этому дню...

- Шизун, разве вы не ненавидите меня?

- Нет...

- Учитель, я...

Всю жизнь он был самонадеянным и капризным, никогда не зная, что такое сожаление. Теперь он почувствовал мучительное раскаяние, но было уже поздно. Оглядываясь назад, он понимал, что никогда не говорил ни единого слова правды. Даже в постели он боялся отказа и всегда вел себя легкомысленно, как будто это игра, причиняя боль другим и себе, никогда не открывая своих истинных чувств.

- Шизун, мое сердце принадлежит вам...

- Шизун, с детства и до сих пор, вы всегда были в моих мыслях...

Огонь на земле погас, и все снова погрузилось во тьму.

Мо Чанкун крепко обнял человека в своих руках, осторожно раскрывая свое сердце:

- Мои чувства — грех, который мир не примет. Я не смел сказать вам об этом, но...

Он замолчал на полуслове.

Мужчина в его объятиях давно перестал дышать. Тело остывало.

Было слишком поздно....

Он не сказал то, что нужно было сказать, и теперь слишком поздно.

Наконец, Небесная Скорбь обрушилась, беспощадно мучая его душу, принося максимальную боль. Мо Чанкун крепко обнимал холодное тело в своих руках, и не издавал ни звука.

Он держал слишком крепко, пытаясь слить их тела воедино.

Никто не мог вырвать шизуна из его рук.

...

В Чистилище невозможно было ощутить течение времени.

Годы шли, и тело в его руках превратилось в кости, кости в пепел, а затем оно окончательно исчезло в его ладонях, как бы сильно он ни старался удержать...

Шизун, я был неправ.

Шизун, с этого момента я буду следовать вашим наставлениям.

Шизун, я больше не буду делать дурные вещи.

Шизун...

Величественная фигура на утесе наконец склонила голову.

Если бы был шанс начать все сначала, встретиться с тем человеком снова...

Он не стал бы больше просить.

Он больше никогда не будет просить.

<http://bllate.org/book/13607/1206671>